

Сов. культура, 1983, 23 авг.

Белый голубь и белый лебедь

Дважды в составе труппы Кировского театра мне довелось побывать на гастролях в Париже. Встреча с этим городом для меня означает очень многое. Обычно воспоминания о том или ином месте связывают с именами, историческими событиями, неповторимым обликом. У каждого города — не только свое лицо, но и своя эмблема. Привычным стало считать эмблемой Парижа Эйфелеву башню. Но для меня этот город всегда ассоциируется с голубем мира Пабло Пикассо. Этот голубь — мой спутник. Помню, в детские годы мы рисовали его на асфальте у дома, на песке в саду, потом на обложках школьных тетрадей.

Не только словами можно выразить мысль, владеющую умами всего прогрессивного человечества, — как дорог людям мир. Можно средствами любого искусства дать толчок к размышлениям о мире, призвать к борьбе за него. Одним из таких позывных мира стал белый голубь Пикассо.

Я не раз задавала себе вопрос, почему мы, послевоенное поколение, родившиеся даже не в сороковые, а в пятидесятые годы, столько думаем, говорим о мире и делаем все от нас зависящее во имя его укрепления. Ведь мы не видели разруша бомб, не слышали свиста снарядов, не пережили горечи оккупации или блокады. Ужасы войны, пережитые старшими, были так велики, что рассказы о них сами собой вплетались в наши детские сказки. Наверное, только через несколько послевоенных поколений вырастут те, кто не будет внутренне сжиматься от слов: война, смерть, выжженная земля.

Голубь мира Пикассо, которого мы рисовали сами, как я теперь понимаю, был нашим детским утверждением мира. Знал ли художник, как широко

и значительно вошло в сознание людей разных поколений его произведение...

Год спустя после первой гастрольной поездки во Францию я побывала в Японии, где мне предстояло участвовать в Международном конкурсе артистов балета в городе Осака. В искусстве балета состязались там представители 44 стран, программа была чрезвычайно напряженной. Тем не менее удалось и увидеть страну, и познакомиться с японцами.

В доме господина Ойи-сан, организатора фестиваля балета, мы много говорили об искусстве и, конечно, о мире.

Как и у нас, в Ленинграде, где есть памятник погибшим в годы войны детям, и как сегодня мы чтим память девочки Тани Савичевой, умершей в блокаду от голода и оставшей потрясающей антивоенный документ — свой дневник, так и в Японии чтут память всех погибших от атомной бомбардировки, в том числе и детей. Даже тем, кто уцелел в этом испепеляющем огне, прожить удалось недолго. Есть в Японии памятник девочке с журавликом в руке. Японские друзья рассказали историю этой девочки, пострадавшей во время взрыва атомной бомбы. Девочка осталась жива, но заболела лучевой болезнью. Она делала бумажных журавликов и пускала их в небо, веря, что птицы продлят ее жизнь. Девочка погибла, а история ее короткой жизни, как и жизни Тани Савичевой, стала легендой. Стоят и будут вечно стоять памятники: каменный цветок в Ленинграде и девочка с журавликом в Японии, призывая людей не оставаться пассивными в надежде, что мир будет обеспечен сам собой. Память зовет делать все зависящее от живущих, чтобы воспрепятствовать гибели человечества. Журавлик, в которого верила девочка, стал символом жизни

и чтим сегодня в Японии, как белый голубь Пикассо во Франции и во всем мире.

Чаще всего на афишах и плакатах, анонсирующих наши выступления за рубежом, красуется белый лебедь. Вернее, не сама птица, а балерина — исполнительница роли Одетты в «Лебедином озере» Чайковского или «Лебедя» Сен-Санса. Наш белый лебедь стал для зрителей эмблемой советского балета. Кстати сказать, сюжеты балетов только на первый взгляд кажутся наивными, сказочными. На самом деле они говорят о неповторимом в нашей жизни, о том, что важнее всего. Жизнь, честь, смерть, любовь — вот из-за чего страдают и чему радуются герои спектаклей.

Несмотря на условность, балет не абстрактное искусство. Даже старые классические спектакли в наше время звучат по-новому, утверждая победу добра над злом, торжество любви и света. А сколько прекрасных героических спектаклей появилось на балетной сцене в советское время: «Лауренсия», «Пламя Парижа», «Красный мак», «Спартак» и многие другие.

Белый лебедь красовался на афишах театра даже тогда, когда мы в Париже давали «Собор Парижской богородицы» — итог совместной работы французского балетмейстера Ролана Пети и нашей ленинградской балетной труппы. Вдохновенное произведение Гюго, талантливо пересказанное языком пластики, имело такой грандиозный успех у французских зрителей, какого, по признанию самого Ролана Пети, прежде никогда не было. Это было в самом большом зале Парижа — зале конгрессов.

В заключение наших гастролей во Франции на одной из пресс-конференций Р. Пети сказал, что после наших высту-

плений число друзей Советского Союза увеличилось на то количество зрителей, которые побывали на наших спектаклях.

Такие высказывания во время зарубежных гастролей я слышала не раз. Конечно, интересно услышать и профессиональный разбор спектакля критикой. Но нет важнее итога любых зарубежных гастролей, чем приобретение новых друзей нашей страны.

Обо всем этом я думала, читая речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова на июньском Пленуме ЦК КПСС. «Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы».

Свое слово в борьбе за умы и сердца людей на планете говорит и наше советское искусство. Где бы мы ни были, с кем бы ни встречались, перед какой бы аудиторией ни выступали, мы всегда помним, что мы посланцы Советской страны — самой миролюбивой страны на планете.

Белый лебедь стал не только эмблемой советского балета, он стал и символом нашей миролюбивой Родины. Белый лебедь стал в один ряд с французским белым голубем и японским журавликом — птицами нашей мирной жизни.

Галина МЕЗЕНЦЕВА,
народная артистка РСФСР,
лауреат Государственной
премии РСФСР.
ЛЕНИНГРАД.

Фото Ю. Ларионовой.

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

23 АВГ 1983

г. Москва

з. 1386

искусство в борьбе за мир

Белый голубь и белый лебедь

Дважды в составе труппы Кировского театра мне довелось побывать на гастролях в Париже. Встреча с этим городом для меня означает очень многое. Обычно воспоминания о том или ином месте связывают с именами, историческими событиями, неповторимым обликом. У каждого города — не только свое лицо, но и своя эмблема. Привычным стало считать эмблемой Парижа Эйфелеву башню. Но для меня этот город всегда ассоциируется с голубем мира Пабло Пикассо. Этот голубь — мой спутник. Помню, в детские годы мы рисовали его на асфальте у дома, на песке в саду, потом на обложках школьных тетрадей.

Не только словами можно выразить мысль, владеющую умами всего прогрессивного человечества, — как дорог людям мир. Можно средствами любого искусства дать толчок к размышлениям о мире, призвать к борьбе за него. Одним из таких поэтических мира стал белый голубь Пикассо.

Я не раз задавала себе вопрос, почему мы, послевоенное поколение, родившиеся даже не в сороковые, а в пятидесятые годы, столько думаем, говорим о мире и делаем все от нас зависящее во имя его укрепления. Ведь мы не видели разрыва бомб, не слышали свиста снарядов, не пережили горечи оккупации или блокады. Ужасы войны, пережитые старшими, были так велики, что рассказы о них сами собой влетались в наши детские сказки. Наверное, только через несколько послевоенных поколений вырастут те, кто не будет внутренне сжиматься от слов: война, смерть, выжженная земля.

Голубь мира Пикассо, которого мы рисовали сами, как я теперь понимаю, был нашим детским утверждением мира. Знал ли художник, как широко

и значительно вошло в сознание людей разных поколений его произведение...

Год спустя после первой гастрольной поездки во Францию я побывала в Японии, где мне предстояло участвовать в Международном конкурсе артистов балета в городе Осака. В искусстве балета состязались там представители 44 стран, программа была чрезвычайно напряженной. Тем не менее удалось и увидеть страну, и познакомиться с японцами.

В доме господина Ойи-сан, организатора фестиваля балета, мы много говорили об искусстве и, конечно, о мире.

Как и у нас, в Ленинграде, где есть памятник погибшим в годы войны детям, и как сегодня мы чтим память девочек Тани Савичевой, умершей в блокаду от голода и оставившей потрясающий антивоенный документ — свой дневник, так и в Японии чтут память всех погибших от атомной бомбардировки, в том числе и детей. Даже тем, кто уцелел в этом испепеляющем огне, прожить удалось недолго. Есть в Японии памятник девочке с журавликом в руке. Японские друзья рассказали историю этой девочки, пострадавшей во время взрыва атомной бомбы. Девочка осталась жива, но заболела лучевой болезнью. Она делала бумажных журавликов и пускала их в небо, веря, что птицы продлят ее жизнь. Девочка погибла, а история ее короткой жизни, как и жизни Тани Савичевой, стала легендой. Стоят и будут вечно стоять памятники: каменный цветок в Ленинграде и девочка с журавликом в Японии, призывая людей не оставаться пассивными в надежде, что мир будет обеспечен сам собой. Память зовет делать все зависящее от живущих, чтобы воспрепятствовать гибели человечества. Журавлик, в которого верила девочка, стал символом жизни

и чтим сегодня в Японии, как белый голубь Пикассо во Франции и во всем мире.

Чаще всего на афишах и плакатах, анонсирующих наши выступления за рубежом, красуется белый лебедь. Вернее, не сама птица, а балерина — исполнительница роли Одетты в «Лебедином озере» Чайковского или «Лебедя» Сен-Санса. Наш белый лебедь стал для зрителей эмблемой советского балета. Кстати сказать, сюжеты балетов только на первый взгляд кажутся наивными, сказочными. На самом деле они говорят о неповторимом в нашей жизни, о том, что важнее всего. Жизнь, честь, смерть, любовь — вот из-за чего страдают и чему радуются герои спектаклей.

Несмотря на условность, балет не абстрактное искусство. Даже старые классические спектакли в наше время звучат по-новому, утверждая победу добра над злом, торжество любви и света. А сколько прекрасных героических спектаклей появилось на балетной сцене в советское время: «Лауренсия», «Пламя Парижа», «Красный мак», «Спартак» и многие другие.

Белый лебедь красовался на афишах театра даже тогда, когда мы в Париже давали «Собор Парижской богородицы» — итог совместной работы французского балетмейстера Ролана Пети и нашей ленинградской балетной труппы. Вдохновенное произведение Гюго, талантливо пересказанное языком пластики, имело такой грандиозный успех у французских зрителей, какого, по признанию самого Ролана Пети, прежде никогда не было. Это было в самом большом зале Парижа — зале конгрессов.

В заключение наших гастролей во Франции на одной из пресс-конференций Р. Пети сказал, что после наших высту-

плений число друзей Советского Союза увеличилось на то количество зрителей, которые побывали на наших спектаклях.

Такие высказывания во время зарубежных гастролей я слышала не раз. Конечно, интересно услышать и профессиональный разбор спектакля критикой. Но нет важнее итога любых зарубежных гастролей, чем приобретение новых друзей нашей страны.

Обо всем этом я думала, читая речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова на июньском Пленуме ЦК КПСС. «Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы».

Свое слово в борьбе за умы и сердца людей на планете говорит и наше советское искусство. Где бы мы ни были, с кем бы ни встречались, перед какой бы аудиторией ни выступали, мы всегда помним, что мы посланцы Советской страны — самой миролюбивой страны на планете.

Белый лебедь стал не только эмблемой советского балета, он стал и символом нашей миролюбивой Родины. Белый лебедь стал в один ряд с французским белым голубем и японским журавликом — птицами нашей мирной жизни.

Галина МЕЗЕНЦЕВА,
народная артистка РСФСР,
лауреат Государственной
премии РСФСР.
ЛЕНИНГРАД.

Фото Ю. Ларионовой.